

В предыдущих главах:

В коридоре подземелий Гарри и Теодора подкарауливают близнецы Уизли. Гриффиндорцы обвиняют Поттера, что это он убил их сестру и нападают.

Все слизеринцы, вернувшись с обеда, узнали о нападении Уизли и о сокрушительной победе Гарри Поттера. В честь этого устроили праздничный обед, который был так кстати для проглодавшегося героя. На следующий день Альбус Дамблдор объявил, что Гарри Поттер не виновен в пропаже Джинервы Уизли и это расколело Хогвартс на две части. Многие поверили могущественному директору и тем перестали откровенно бояться Гарри, но были и те, кто продолжаться испытывать страх. А сам Гарри, пользуясь своей мрачной славой, забирал всё больше власти на факультете, подминая под себя старост и играя уже роль лидера.

Гарри отправился к профессору Люпину, чтобы попросить научить противостоять дементорам. Тот был не против. В ходе беседы профессор затронул тему родителей Гарри, заявив, что он с ними дружил. Парень неожиданно вспомнил, что единственный друг его родителей — это Сириус Блэк, предатель и сторонник Тёмного Лорда. Решив, что Люпин — враг, Гарри нападает на него.

Вечером Гарри сидел в своей комнате за рабочим столом. Ярко светила волшебная лампа, привезённая из дома. Парень задумчиво разглядывал альбом, куда он сейчас поочерёдно помещал волшебные фотографии, сортируя их по времени. Раньше они хранились в обычном конверте на одной из полок шкафа в его доме. Лампу, как и сам альбом, ему подарили, причём уже давно, слизеринцы. Был у него ещё и другой альбом, также подаренный кем-то с факультета. Гарри уже не помнил, кем именно. Его страницы он заполнил уже совсем другим содержанием, вкладывая туда все колдографии, сделанные более десяти лет назад и связанные с Волан-де-Мортовским террором. Их раздобыла Джемма летом. Занимаясь этим, Гарри невольно сравнивал себя с тем отвратительным поклонником Тёмного Лорда, который проводил исторические изыскания и поиск всей информации по этому чудовищу, от него Фарли и получила все эти снимки с газетными вырезками. Но парень успокоил себя мыслью, что собирает сведения с целью противостоять врагу, уничтожить, словно какой-то матёрый детектив, распутывающий сложное дело. Магл Вернон часто смотрел подобные криминальные фильмы. Однако сейчас парень разглядывал свой обычный альбом с фотографиями школьных будней, которых, к сожалению, было совсем мало.

У волшебников нет обычая делать фотографии без всякого на то повода — лишь по важным событиям. Но даже общей фотографии его курса, после того, как они сдали экзамены в первый учебный год, не было ни у Гарри, ни у кого-то ещё.

«Хотя что могло быть более значимым событием, чем поступление в Хогвартс?» — сейчас размышлял парень.

Но никто не делал колдоснимков ни на перроне «Платформы 9 и 3/4» на фоне алого «Хогвартс-Экспресса», красочно пускающего густой белый дым, ни во время распределения по факультетам, ни даже в более неформальной обстановке в самой гостиной. Этим волшебники сильно отличались от маглов. А очень жаль, Гарри бы не отказался вновь почувствовать ту атмосферу, рассматривая движущиеся и живые картины самого первого дня. Также никаких фотографий, которые могли сохранить приятные воспоминания, не было сделано и на втором году обучения. А окончание курса вообще получилось очень смазанным — ни праздничного ужина, ничего. Тогда было не до этого. Так что в его альбоме, к искреннему удивлению самого Гарри, почти все фотографии были выполнены маглорождённым с Гриффиндора. Колин Криви, так вроде звали того парня. Мелкий мальчишка явно побоялся лично подходить к слизеринцу, всегда окружённому многочисленными друзьями, поэтому присылал фотографии совой целой пачкой в конверте. И это была не личная птица мелкого гриффиндорца, так как почтальоны прилетали всегда разные. Гарри предположил, что тот заимствует их у своих друзей на факультете. И сейчас парень, рассматривая волшебные снимки, удивлялся его находчивости и пронырливости, так как Криви ради хорошего кадра сумел даже пробраться на тренировку команды Слизерина, куда никогда не пускали чужаков. К сожалению, почти все фотографии были выполнены издалека, но мимику и настрой передавали очень хорошо: они были магическими, живыми.

Гарри задумался. У него нет ни одного снимка его верной подруги Джеммы Фарли, хотя они вместе посещали зоопарк в Стоунхендже, где была масса прекраснейших видов и удивительных магических животных, которых он видел первый раз в жизни. Даже его первые собственные фотографии девушка сделала лишь для того, чтобы отдать их поклоннику Тёмного Лорда в обмен на дополнительную информацию. В доме Дурслей у него вообще не было ни единого снимка, и не сказать, что это его тяготило, но сейчас ему захотелось иметь память о прошлом. И он знал, как это сделать. Среди слизеринцев были те, кто мог позволить себе волшебный фотоаппарат (куда там магловской подделке Криви!). Решив, что поручит им чаще фиксировать жизнь факультета, начиная с фотографий его курса и до команды Слизерина в спортивной форме с метлами на поле, Гарри перевернул страницу, рассматривая то, ради чего он вообще достал альбом из своего чемодана.

Группа взрослых гриффиндорцев, все с тёмно-алыми галстуками. Среди них его папа и мама. Подарок Джеммы Фарли. Гарри присмотрелся, приблизив фотографию к лицу. Он действительно очень похож на своего отца, даже очки одинаковые. А мама была очень красивой девушкой с густыми тёмно-рыжими волосами и миндалевидными ярко-зелёными

глазами, такими же, как его собственные. Она ничем не напоминала свою родную сестру, его тётю Петунью. Взгляд зелёных очей перешёл на парня, которого дружески обнимал его отец. Обаятельный, тоже черноволосый с заливчатской, даже изящно небрежной причёской. Сириус Блэк! Тот, кто предал его родителей. Вглядываясь в тёмные глаза, в это улыбающееся лицо, слизеринцу мерещилась коварная ухмылка на губах, словно тот уже замыслил измену. Внутри разыгралась неожиданная ярость.

— Мерзкий предатель! — прорычал Гарри, с трудом сдерживаясь, чтобы не разорвать фотографию пополам, отсекая его родителей от ухмыляющегося Пожирателя. — Ничего-ничего, недолго тебе гулять на свободе!

Он попытался успокоиться. Будь он точно уверен, что его родители сохранят возможность двигаться и улыбаться на этой фотографии, он бы точно разорвал её напополам, чтобы отсечь часть с предателем, уничтожить! Но Гарри достал альбом не для этого. Он перевёл взгляд на другого волшебника, стоящего левее Блэка. Тот улыбался спокойно, с каким-то внутренним достоинством. Светло-каштановые волосы, чуть пухлое лицо и добрые глаза. Практически ничего не напоминало в этом молодом человеке уже постаревшего профессора Римуса Люпина, но это действительно был он. Пухлость прошла, из глаз ушёл радостный блеск, появились многочисленные морщины, да и седина в волосах очень старила однокурсника его родителей. Может, Люпин не соврал и действительно дружил с его отцом? По мимике и взглядам, которыми папа и Люпин обменивались на фотографии, было видно, что они хорошо знакомы. Да вся их группа выделялась сплочённостью на фоне других гриффиндорцев, которых было неожиданно много. Но почему он так постарел? Ведь получается, что он и его родители одного возраста.

— Э-э, какого же они года рождения? Сколько им было лет? — вслух спросил сам себя Гарри.

Он перевернул фотографию. На оборотной стороне аккуратно были выведены имена, фамилии выпускников и дата — восьмое июня 1978 года.

— О как, — удивился Гарри. — Значит, эту фотографию сделали до сдачи экзаменов ЖАБА, которые в середине июня. С тех пор прошло пятнадцать лет, а им на седьмом курсе было лет восемнадцать, а это значит... — парень задумался на секунду, складывая в уме числа. — Мои родители 1960 года рождения, и Люпину сейчас около тридцати трёх лет. Но выглядит-то он

далеко за сорок. Так, а что это? — его взгляд зацепился за знакомую фамилию. — Питер Петтигрю.

Гарри задумчиво прочитал несколько раз это имя вслух, а потом развернул фотографию к себе лицевой стороной. Левее от Люпина стоял полный мальчик. Он улыбался в камеру несколько жалко. Мышино-коричневые волосы ярко блестели под лучами солнца, а блеклые голубые глаза нерешительно глядели на слизеринца. В памяти всплыли слова под фотографией Блэка — не этой, а той, когда он был уже осуждён, — опубликованной в «Пророке».

«Сириус Блэк убил Питера Петтигрю и двенадцать маглов».

Так значит, он убил этого парня? Но зачем? Надо будет поинтересоваться об этом у Джеммы, наверняка она знает всё.

— Интересно, а какая точная дата рождения у моих родителей? — спросил сам себя парень, возвращаясь к их лицам. Мама очень мягко ему улыбнулась, и Гарри, ощутив, как сжалось его сердце, тоже невольно приподнял уголки губ. — Как жаль, что вы не можете со мной поговорить... Я бы столько хотел рассказать... Ма...

Ощувив, что у него мокреют глаза при уже ставшей печальной улыбке Лили, словно та услышала его, парень поспешно перевернул фотографию и отложил, нахмурившись.

«Может, стоит написать об этом Джемме? Она как-нибудь разузнает дату рождения моих родителей», — постарался Гарри настроиться на деловой лад и отрешиться от лица мамы, её грустной улыбки, которая словно отпечаталась у него на сетчатке глаз, становилась лишь ярче, стоило опустить веки.

Спрашивать об этом напрямую через сквозное зеркало, тем самым признавая своё абсолютное неведение даже в таких важных вещах, как день рождения собственных родителей, ему очень не хотелось. Это принизит его. Вот Джемма всё знает о своих предках до глубины тех веков, о которых рассказывает на уроках истории скучный призрак Бинс. Неожиданная мысль пронзила его, заставив замереть.

«А где мои родители похоронены? Может, в Годриковой впадине, где был их дом? Или в другом месте? Могу ли я навестить их могилы? Через месяц будет уже двенадцать лет с момента их убийства».

Раньше он не интересовался такими вещами. Маглы, в чьём доме даже имена его родителей были под строгим запретом, за долгие годы отбили у парня желание поднимать эту тему. А в Хогвартсе жизнь текла так оживлённо, так быстро, что он об этом даже ни разу не думал. Вернее, лишь раз, вспоминая прощание с Гермионой Грейнджер. Но теперь, столкнувшись со смертью, у него словно открылись глаза. Может, этому поспособствовали слова Дамблдора: если бы у семьи Уизли была возможность хотя бы похоронить свою дочь...

«Погоди... Зачем обращаться к Джемме? Раз Люпин якобы друг моих родителей, то ничто не мешает спросить у него. Почему бы и нет? Такая тема поможет подружиться с профессором, проверить его слова на правдивость, а это будет полезно, тем более тот так и не сказал, когда именно будут тренировки против дементора или учебные дуэли».

«Дуэли с профессором... — мысль засела у него в голове, он невольно прокручивал случившееся в кабинете по защите от Тёмных Искусств. — Как такое вообще произошло? Со мной что-то не так? Ладно, с Уизли получилось... Э-э, так сильно... Они сами напали! Но потом я ведь хотел их прибить, чтобы скрыть всё это. Готов был на... Лишь бы меня не исключили из Хогвартса, — Гарри перед собой ничего не видел, его руки словно сами собой перебирали документы, книги, письма, лежащие на его столе, пытаюсь как-то занять себя. — Хотя, учитывая слова и поступки Снейпа в кабинете Дамблдора, не зря я опасался последствий, ох, не зря, но... Да и это всё произошло в пылу боя, когда я был заведён. Но какая была реакция на Люпина? Сразу бросился на него в атаку, в агрессию, лишь по первому подозрению, что он помогает Блэку... Почему? В итоге я уже несколько раз срывался на профессорах, если считать самого Снейпа. Из-за этого меня могли спокойно исключить из школы. Или, как минимум, выгнать из команды по квиддичу. Что-то со мной не так».

Наверное, решил Гарри, стоит вернуться обратно к методам защиты разума — окклюменции. Она успокаивает, позволяет собраться с мыслями. В школе он занимался ею нерегулярно, заваленный ворохом забот о факультете. И со Снейпом, наверное, можно было как-то помягче провести разговор.

Размышляя, Гарри наткнулся взглядом на сложенный листочек бумаги. Раскрыв его, он обнаружил собственное письмо. Заголовок начинался: «Здравствуй, Тонкс!» Но больше ничего не было написано, лишь два слова сиротливо выведены на самом верху пергамента.

— Ах да, эта та мракоборец, которая умеет менять внешность, — вспомнил Гарри день, когда целая группа магов вместе с Джеммой забирали его от Дурслей.

Он начал писать письмо ещё две недели назад, но тогда после приветствия в начале перо бессильно замерло: Гарри не знал, о чём писать этой малознакомой девушке. И она сама тоже не прислала за полмесяца письмо, хотя могла, они же договаривались списаться друг с другом. Наверное, постеснялась. Вдохновлённый новой идеей и возможностью выбросить из головы мрачные размышления, Гарри на этот раз легко переборол робость и достал своё волшебное перо, тут же застрочив им.

«Здравствуй, Тонкс!

Как ты, наверное, уже поняла по подписанному конверту, тебе пишет твой друг, которого ты сопровождала на вокзал, а потом на поезде довезла до Хогвартса. Как ты поживаешь? Как проходит стажировка среди суровых мракоборцев? Может, сдаёшь уже экзамены, и если да, то удачно, я надеюсь? В случае чего Ни приворота, ни проклятия тебе на них! Или как говорят маглы — Ни пуха, ни пера! У меня всё хорошо, хожу на занятия. В этом году несколько новых предметов. Нумерология весьма сложная, приходится много читать. Зато вечерами летаю на метле, тренируюсь с командой для победы.

Хотел поинтересоваться у тебя, как ты себя чувствуешь после встречи с дементорами? Ужасные существа, да? Некоторые ученики после этого были выбиты из колеи и так ещё не пришли в себя. Кстати, а ты не в курсе насчёт того, как проходит розыск Блэка и когда этих чудищ уберут из нашей школы?

Жду твоё ответное письмо,

будущий мракоборец Гарри Поттер».

Поставив точку, парень перечитал письмо. Писать в официальном стиле ему не хотелось, поэтому получилось нейтрально-веселое письмо, более подходящее под задорный характер самой Тонкс. Заодно подчеркнул своё неплохое отношение к маглам, упомянув их пословицу, сравнивая с магическим аналогом. Для полукровки Тонкс, которая может отнестись к нему, слизеринцу, с некоторым предубеждением, этот факт должен развеять все подозрения. Хотя бы вспомнить, как она смотрела на его чемодан с эмблемой Слизерина... А в конце Гарри даже нарисовал улыбающуюся рожицу, подчёркивая шутливую подпись про будущего мракоборца.

«Итак, — подытожил Гарри, ещё раз проглядев написанное и запечатывая всё в конверт с подписью: «матёрому мракоборцу Тонкс от Гарри Поттера», — поинтересовался про экзамены, немного рассказал про себя. Вроде бы всё».

Подумав, он не стал в письме спрашивать о защите от дементоров, всё же это выставит его слабым, будто он сам не может защититься от них, и ослабит эффект от того, как он смог противостоять монстру в купе, что явно произвело сильное впечатление на молодую мракоборку. Надо будет отправить конверт завтра утром, если Букля прилетит в Большой зал за лакомствами. Не хотелось бы тащиться в совятню одному. Да и путь туда неблизкий. А передавать кому-то другому это письмо, чтобы отнесли... Не то чтобы Гарри не доверял своим друзьям, но как-то это действие вызывало у него беспокойство. Поэтому ему нужна Эмилия Стоун. Она его никак не предаст. Физически не сможет, связанная магической клятвой. В случае чего, ей и вручит письмо, пусть помогает, хватит ей прятаться от него. А потом дождаться ответа от Тонкс и, исходя из содержимого, можно уже поинтересоваться более подробно по интересующим его вопросам. Для начала нужно протянуть к ней ниточку, которая свяжет её с ним.

Темнеющее небо выглядело удивительно мрачно. Прохладно и свежо. Природа словно застыла в ожидании дождя. Игроки в зелёных формах быстро рассекали воздух, перекидывая друг другу мяч. Это была третья тренировка по квиддичу в этом году. Грэхэм уже освоился в роли капитана и руководил более уверенно, что добавило рвения всем членам команды Слизерина. К удивлению Гарри, остальные факультеты тренировались не так часто, как они. Гриффиндорцы так вовсе ещё ни разу не вышли на поле. А вот слизеринцы добросовестно раз в неделю надевали спортивную форму и отработывали всевозможные заготовки к предстоящему матчу со львами.

Сегодняшняя тренировка не вызвала у парня былого вдохновение, так как зрителей на трибунах почти не было. Грэхэм зорко следил, чтобы секреты и разработанные комбинации на будущий матч не вывели соперники, но не был против, если в качестве зрителей приходили ученики с их факультета. Только сегодня одноклассники Гарри, как назло, были заняты выполнением домашних заданий, так что ни Пэнси, ни Дафна, ни кто-либо другой восторженно не хлопал или не улюлюкал, когда он забивал мяч в кольцо или делал мастерский финт. Вдобавок его сильно грызло то, что он пару часов назад проиграл тренировочный бой Причарду, однокласснику Уоррингтона. Это была их вторая схватка в этот день, в первой он легко победил, что поспешно породило чувство уверенности. После этого он внимательнее следил за противником, осознав, что слишком расслабился и поверил в свои силы, поэтому и пропустил заклинание. Несмотря на то что в последующих тренировочных поединках он одержал верх, а потом не оставил и малейших шансов на победу Уоррингтону, который сменил Причарда, — настроение было уже испорчено. После дуэлей они втроем тренировались в чарах, которым старшекурсники успели обучиться у профессора Люпина за месяц.

Закончив тренировку, Гарри и другие игроки отправились в раздевалку принимать душ. Переодевшись в чистое, не пропитанное потом бельё, парень надел обратно спортивную форму, кроме защитных наплечников и наколенников. Таскать с собой на тренировку помимо обязательной метлы и крайне нужной в случае чего мантии-невидимки, которая хоть и была невесомой, но занимала немало места, ещё и смену повседневную форму было бы тяжело. Никто так не делал. Пока он с другими игроками дожидался Драко на улице, Грэхэм принялся повторять уже отработанный до дыр план на предстоящую игру с Гриффиндором, что отозвалось глухим раздражением в душе парня. Наконец Малфой показался из раздевалки, и они отправились обратно в замок.

— Вечно ты долго моешься, — попенял ему Гарри, придерживая за рукав, чтобы отстать хоть на десять метров от Монтегю. — Грэхэм опять зудел про важность командной работы.

Вяло переговариваясь с таким же уставшим Драко, на полпути к замку парень вдруг заметил одинокую фигуру, бредущую к лесу в нескольких сотен метрах справа от их тропинки. Приглядевшись, он шокировано заморгал и остановился. Красивые длинные платиновые волосы чётко выделялись на тёмной мантии. Зачем Гринграсс пошла одна к Запретному лесу?

— ... у глупых грифов нет ни единого шанса, — Драко оглянулся на Гарри, только сейчас заметив, что тот отстал. — Что такое?

— Я кое-что забыл в раздевалке, — быстро соврал тот. — Иди в гостиную один, мне всё равно надо было в совятню подниматься. Хотел письмо отправить.

— Ну-у ладно, — растерянно согласился Малфой. — Как знаешь.

Гарри быстро пошёл обратно, кратко обдумывая только что сказанную ложь. Письмо Тонкс он отправил утром с Буклей, которая, словно почувствовав его желание, прилетела на завтрак. Поэтому ничего странного в том, что ему надо сходить в совятню: там есть школьные совы, которые за определённый гостинец могут отправить посылку. Ведь не у всех школьников есть такие почтальоны, а писать домой нужно. Парень поморщился, когда вспомнил о том, как ему по несколько раз пришлось объяснять это первокурсникам-слизеринцам. Монкли не справлялась с обязанностями старост в одиночку. Возможен и второй правдоподобный вариант: он договорился с кем-то воспользоваться чужой совой, вот и всё. Да, Малфой никак не поймает его на вранье. Эти мысли быстро промелькнули у парня в голове, пока он шёл так, чтобы как можно быстрее пропасть из зоны видимости друга. В сторону бредущей теперь уже слева Гринграсс Гарри осмеливался лишь коситься, чтобы Драко не увидел, куда направлен его взгляд. Оглянувшись назад через полминуты, он убедился, что Малфой уже не сможет увидеть, куда он пойдёт. Тогда парень стремглав оседлал метлу и полетел за Дафной. Что ей в голову взбрело? Ветер свистел в ушах, «Нимбус» быстро набрал приличную скорость. Расстояние в несколько сотен метров он преодолел за считанные секунды.

— Дафна! — крикнул Гарри, спрыгивая на землю в пяти метрах от неё.

Девушка шла очень медленно и не оборачивалась. Какая-то странность кольнула его сердце. До леса ещё было далеко, и опасности никакой, так что не так?

— Дафна, стой! — Гарри бросился за ней и, когда догнал, не удержавшись, схватил за плечо, разворачивая девушку к себе. — Ты не слышишь меня?..

Это оказалась не Дафна Гринграсс. От неожиданности Гарри растерялся и замер, не сводя взгляда со стоящей перед ним девочки. Она была намного младше его подруги. Очень бледные брови, глаза навыкате и миловидное лицо. Парень обозначился из-за таких же длинных светлых волос, как у Дафны. Девочка была очень худенькой, одета в белую рубашку, джемпер и чёрную длинную юбочку, без привычной колдовской чёрной мантии. Всего этого было явно мало для холодного вечера. Она пока никак не реагировала на то, что растерянный Гарри продолжал крепко удерживать её за плечо.

— Гарри Поттер, — тихо сказала девочка, пока тот рассматривал её синий галстук.

— Э-э, да, — признался он. — Я... А я тебя помню. Видел на перроне перед отправлением.

— Да, — девочка кивнула. — Я бы хотела добраться до школы на морщерогих кизляках, но это было бы невежливо по отношению к духам поезда.

Гарри растерянно заморгал, снова скосив взгляд на цвет её галстука.

— Тебе так понравился мой галстук? — правой рукой девочка полностью высвободила его из-под чёрного джемпера, не снимая с шеи, и чуть повертела в ладони. — Я могу тебе его отдать.

Хочешь, поменяемся?

Парень отпустил худое плечо. С каждым словом она всё больше удивляла.

— Я... Нет, спасибо, — он попытался улыбнуться, чувствуя себя неожиданно неловко, отказываясь от такого предложения. Что-то было не так, что-то настораживало в ней. — Мне мой нравится.

— Думаешь? — голос девочки стал тише, а большие глаза застыли, разглядывая уже знак его факультета. — Ты выбрал не тот цвет. Серебро и зелень хоть и идёт к твоим глазам, но алый был бы гораздо лучше. Считаешь, что у тебя так много друзей, но на самом деле их нет. А будь ты красно-золотым — всё сложилось бы по-другому.

— Что? — севшим голосом спросил Гарри, не в силах поверить своим ушам. — Ты... ты предсказываешь будущее?

— Нет, — слабо улыбнулась девочка. — Мы же сравниваем наши галстуки.

Гарри промолчал, но когтевранка не собиралась прерывать воцарившуюся тишину, с интересом разглядывая синюю с бронзовым ткань, словно в первый раз увидела, иногда будто сравнивая, переводя взгляд на стоящего перед ней парня. Вокруг них сгущалась тьма. Ночь окончательно вступала в свои права, хотя до отбоя было ещё долго.

Он словно на мгновение окунулся в тот судьбоносный день два года назад, когда негромкий голос Распределяющей шляпы шептал:

«Непростой выбор. Очень непростой... Ты сможешь стать великим, у тебя есть всё для этого. И Слизерин поможет тебе достичь настоящего величия».

«А если всё сложилось бы по-другому? — мелькнула непрощенная мысль, пока он всматривался в её серые глаза. — Я бы дружил с Роном, не ссорился с Хагридом. Может, и Грейнджер была бы жива. Уж я бы не выпустил её из зоны своего внимания, не оставил бы плакать одну в туалете».

«Какая глупость!»

— Считаешь, что мне было бы лучше на Гриффиндоре? — чуть громче с нотками злости спросил Гарри, оглянувшись, словно их кто-то мог услышать. — Что у меня нет друзей? — девочка хотела было что-то ответить, но он не дал ей такой возможности. — Ты ошибаешься. Я на своём месте. Как вообще ты можешь что-то знать про меня, а?

Вместо ответа когтевранка отвернулась и пошла обратно к лесу.

— Эй, стой! — Гарри пришлось снова схватить её за плечо, так как она не отреагировала на его приказ. — Ты куда идёшь?

— Я пришла покормить их, Гарри Поттер, — она махнула в сторону, и парень с содроганием увидел, как вдалеке на опушку выходят истощённые чёрные лошади с кожистыми крыльями. Фестралы. Два, три... Даже больше.

— Ты... тоже их видишь? — тихо спросил парень, будто они могли их услышать. Ему внезапно захотелось подойти поближе. Эти существа... притягательны?

— Да, — произнесла девочка и продолжила, поняв скрытую часть вопроса: — У меня мама умерла. Она была выдающейся колдуньей, но очень любила экспериментировать. С одним заклятием вышла большая беда. Мне тогда было девять.

— Я... прости, — сказал Гарри. Его взгляд замер на фэстралах. Увидев, что ученики к ним не подходят, они не торопясь вновь скрылись за густыми кронами деревьев. — Но ученикам нельзя в Запретный лес. Профессор Флитвик не объяснял это у вас в гостиной?

— Я тогда была очарована мягким воздухом, — кратко призналась девочка, и Гарри внезапно для себя понял, что она имеет в виду необычно воздушную атмосферу в гостиной Когтеврана, которую он ощутил даже мельком, так и не зайдя туда и лишь наблюдая со стороны, несколько месяцев назад. И по этой причине прослушала слова своего декана, она это имела ввиду? Как странно — понимать эту странную девочку. Она продолжила своим особым мягким тоном: — Но я не собиралась заходить в лес, лишь покормить. Они другие, но тоже нуждаются во внимании, понимаешь?

Гарри наконец уловил то, что казалось ему странным, что тревожило его. Он не видел в ней страха, который искажал лица других учеников, стоило их глазам встретиться в коридорах замка. Обычно мало кто с других факультетов вообще осмеливался смотреть ему в лицо. А она... Она смотрела так, словно видела на его месте кого-то другого. Смотрела так, будто они друзья. Были друзьями. И он внезапно понял, что ему трудно выдержать этот взгляд.

— Неужели я тебя вообще не пугаю? — напрямик и несколько грубовато спросил он у странной девочки, не в силах скрывать мысли, к чему он уже привык на факультете среди слизеринцев, прикрываясь намёками или полутонами в словах.

— А зачем мне тебя бояться? — она пожала своими хрупкими плечиками. — Змеи не кусают, если их не провоцировать. Если на неё не наступить. А ты странная змея.

— Ну это... — протянул Гарри, зябко поведя плечами.

Галстук был ею забыт и покоился на груди поверх тёмного джемпера. Взгляд её огромных выпуклых глаз был обращен прямо на его лицо.

— Идём, я отведу тебя обратно, — Гарри кивнул в сторону огней замка. — Нельзя первокурснице бродить одной у леса.

— А я на втором курсе, — призналась девочка и вдруг доверчиво взяла Гарри за руку.

— Как тебя зовут? — парень ощутил, как её тоненькие пальчики сжались в его ладони. Вместе они направились по тропинке к замку.

— Полумна Лавгуд.

<http://tl.rulate.ru/book/52529/1803409>